НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СЕГОДНЯ

К. В. Чистов

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ЛЕНИНГРАДЕ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ [1]

Национальные проблемы, так же как и проблемы межнациональных отношений должны обсуждаться на всех уровнях — общесоюзном, межреспубликанском, внутриреспубликанском, региональном, локальном, областном, городском (особенно, если речь идет о современном большом городе). На всех этих уровнях национальные проблемы имеют не только теоретический интерес (хотя мы постоянно сталкиваемся с недостаточной теоретической разработанностью многих их аспектов), но и вполне конкретные черты, сложившиеся под воздействием специфических этнических, этнокультурных и этнополитических ситуаций.

Один из первых вопросов, с которым сталкивается исследователь, можно было бы сформулировать так: проблемы, тревожащие нас сегодня, достались нам по наследству или возникли в наши дни в условиях гласности и демократии? Ответ не может быть однозначным. Известно, что несколько десятилетий в прессе, в учебниках, в ответственных партийных документах неизменно утверждалось, что национальный вопрос у нас решен окончательно и бесповоротно. Кажется, я не ошибусь, если скажу, что впервые в докладе Ю. В. Андропова, посвященном 50-летию образования Советского Союза, было сказано значительно точнее: национальный вопрос, в том виде, в каком он достался нам от царского времени, решен успешно, но это не значит, что нет никаких проблем национального и межнационального характера, порожденных самим существованием нашего государства как многонационального. Там же содержался призыв отнестись к этим проблемам с максимальным вниманием. Позже М. С. Горбачев неоднократно говорил, что «заздравные тосты» в честь дружбы народов СССР, к которым мы привыкли, не способны ничего решить, они явно не способствуют выработке средств и способов совершенствования межнациональных отношений. События последних лет в различных районах страны (в Закавказье, Прибалтике, Казахстане, Якутии и т. п.) показали чрезвычайную актуальность как теоретического, так и практического решения наболевших вопросов.

В отдельных регионах имелись конкретные особенности, связанные с сложившимися там ситуациями. Вместе с тем это вовсе не значит, что между ними нет ничего общего. Нет оснований сомневаться в том, что действуют некие общие закономерности современного развития и нашего государства, и всего современного человечества в целом. Процесс урбанизации, охвативший весь земной шар (разумеется, он развивается в разных странах в различном темпе), и, что не менее важно — бурно развивающаяся интернационализация техники и — шире—

[1] Статья написана на основании доклада, прочитанного на областной научно-практической конференции по национальным проблемам.

материально-экономических связей, культуры и науки и даже определенных сфер духовной культуры — не может не вызывать при определенных условиях напряженности национального самосознания. А это, в свою очередь, заставляет воспринимать интернационализацию как денационализацию культурных и социальных ценностей (так называемые «вестернизация», «американизация» и т. п.). Отсюда обилие этнических конфликтов в современном мире (ср. Северную Ирландию, Канаду — англоязычную и франкоязычную, Фландрию и Валлонию в Бельгии, Ближний Восток, Индию и Пакистан, не говоря уж о ЮАР и др.). Неоднократно публиковались впечатляющие цифры — из примерно 120 войн и военных конфликтов после Второй мировой войны по крайней мере 86 (или 72%) имели этнический, этнорасовый или этнорелигиозный характер.

Вместе с тем, объяснять этнические конфликты, возникавшие в нашей стране в последние годы, только действием этой глобальной закономерности было бы далеко недостаточно. Более того, мы должны признать, что в ряде случаев мы тоже не сумели избежать подобных конфликтов, хотя, казалось, это не должно было произойти — национальная политика РКП(б) в первые годы советской власти была нацелена на выработку научно обоснованных и рациональных форм национальной государственности и развития национальной культуры. Границы между союзными республиками и национальными автономными образованиями были согласованы, как правило (за некоторыми исключениями, которые позже дали о себе знать), с реальной этнической структурой населения. Принимались меры по обеспечению нужд и прав так называемых национальных меньшинств, которые в той или иной республике не составляли большинства, или не имели своих фиксированных территорий, или же их основные этнические территории находились за пределами этих республик. Так, следует напомнить о факте, который в наши дни зачастую предается забвению — только в РСФСР и УССР в 20-е годы существовало 270 национальных районов и около 300 национальных сельсоветов.

Известны и другие достижения национальной политики 20—30 годов. Во многих республиках стала появляться и развиваться своя национальная, в том числе и художественная интеллигенция. Довольно быстро была ликвидирована массовая неграмотность, появилась сеть школ, клубов, национальных театров, ансамблей песни и пляски. Несколько десятков бесписьменных в прошлом народов впервые обрели свою письменность. Все шире издавались книги, журналы и газеты на национальных языках.

Когда вспоминаешь обо всем этом, невольно возникает вопрос: почему же большинство национальных районов и сельсоветов в последующие годы исчезло, интересы этнических групп, не принадлежащих к так называемому «коренному населению», перестали удовлетворяться, о них как бы стали забывать; почему некоторые народы, недавно только получившие письменность, перестали ею пользоваться, а тиражи книг на национальных языках и число национальных школ (даже школ коренных национальностей!) стали падать. Эти странные явления до недавнего времени замалчивались, о них изредка говорилось в служебных записках, но отнюдь не в открытой печати. Разумеется, развивались, как и во всех странах, процессы естественной ассимиляции, которые в определенной мере объясняются созданием единой всесоюзной экономической (индустриальной, транспортной и т. д.) системы или естественным сближением наций, живущих в одном государстве, естественным развитием двуязычия, при котором русский язык выполняет функции макропосредника, и т. д. Однако основная причина событий последних лет — в той деформации, которой подверглась национальная политика (или, как принято было говорить в 20—30 гг.,— национальное строительство) в годы сталинской диктатуры и в годы застоя. Огульное обвинение национальной технической, научной, художественной интеллигенции и работников советского и партийного аппаратов в национализме привело к ликвидации многих форм административной и культурной жизни, которые столь успешно развивались в начале 20-х гг. Обсуждение национальных проблем и меж-

этнических отношений в духе и стиле «заздравных тостов» не могло не способствовать накоплению негативных явлений в этой столь важной в политическом, культурном и психологическом отношениях сфере. Следовательно, деформации подверглась не только национальная политика, но и длительно пребывавшая в состоянии застоя и оцепенения теория национального вопроса. Достаточно обратиться к многочисленным публикациям по теории и истории национальных проблем, издававшимся на протяжении нескольких десятилетий философами, историками советского периода, историками КПСС, психологами, даже этнографами, чтобы убедиться в этом. Впрочем, не будем и в этом случае мазать все, что попадется под руку, черной краской. Кроме «заздравных тостов» формировались иногда и весьма важные идеи, как бы подготавливавшие новое мышление эпохи перестройки. Так, например, не следует забывать, что именно в годы так называемого «застоя» интенсивно развивалась общая теория этноса, которая заметно углубила понимание природы этнических явлений, их связь с явлениями социальными, экономическими, культурными, языковыми, политическими. Именно в эти же годы стала формироваться этносоциология, разработавшая методы изучения современных этнических процессов как социальных или, может быть, точнее — находящихся в сложной взаимозависимости с процессами социальными. Без подобного рода разработок мы не смогли бы и в современных условиях создать теорию, адекватную современным национальным процессам.

Эпоха сталинизма образовала становившийся все заметнее зазор между словом и делом, между прекраснодушными декларациями и жесткой практикой. Одним из последствий этого и была потеря навыка многостороннего рассмотрения исторических процессов и отдельных политических актов или концепций. Обществоведы отвыкли видеть, что одни и те же явления могут иметь одновременно как положительные, так и отрицательные последствия. Между тем это чрезвычайно важно при прогнозировании управления и вообще любых современных процессов. Приведем некоторые примеры. Так, бесспорно правильный, вероятно, даже единственно правильный лозунг «сближение наций через их расцвет» таит в себе определенное противоречие, о котором не принято было говорить. Сближение наций, живущих в едином государстве, не может не происходить, но, конечно, следует систематически заботиться о том, чтобы ни одна из этнических общностей не только не теряла своих культурных ценностей, но развивала и приумножала их. Однако надо отдавать себе отчет и в том, что развитие наций неизбежно ведет к укреплению национального самосознания и при определенных условиях — к его перенапряжению, если национальная политика окажется (что в действительности и было) недостаточно гибкой и тактичной.

Подобная опасность таилась, например, в так называемом «национальном размежевании», которое осуществлялось в 20-е годы в Средней Азии. Если раньше наибольшее значение имели различия между оседлыми земледельцами и кочевыми и полукочевыми скотоводами, то в результате перехода на оседлость в сочетании с национальным размежеванием первостепенную роль стали играть национальные различия, т. е. социально-психологические противопоставления (по схеме «мы» и «они») узбеков и таджиков или узбеков и туркмен. Подобные усложнения обычно вовремя не оценивались и не предупреждались.

Еще один пример. Как уже говорилось, в 20—30-х гг., и в последующие десятилетия много делалось для создания и развития национальной интеллигенции, особенно в тех республиках, где ее раньше не было или почти не было, и для привлечения национальных кадров к управлению «своей» республикой. Нельзя не расценить это как положительное явление. Однако практически это привело к созданию целой системы привилегий для национальных кадров (при приеме в вуз, защите диссертаций, выдвижении на руководящую работу и т. д.), что не могло не внушать заведомо ложную мысль — ценность человека находится в прямой зависимости от его принадлежности к «коренной национальности», т. е. к национализму. Совершенно ясно, что следовало так организовать всестороннюю помощь в овладении недостававшими знаниями и навыками там, где

это надо было, чтобы при этом ни на йоту не снижать требований, не развращать национальные кадры. Вообще следует сказать о явно неудачном термине «коренная национальность», одно время активно вошедшем в политический обиход (так же, как словосочетание «коренизация кадров»). Он тоже таил в себе немалую опасность, способствуя формированию представлений о неполноценности и меньших правах тех, кто в этой республике к «коренной национальности» не принадлежал, либо к предположению (которое, правда, вслух не высказывалось) о неизбежности и желательности их ассимиляции все той же «коренной национальностью».

И, наконец, последний пример. С давних пор стала употребляться устойчивая формулировка «нации и народности». Скажем сразу, что мы не считаем излишним употребление термина «народность» в этнографии или — шире — в обществоведческой теории. Впрочем, можно не настаивать именно на этом термине. Важно не потерять представления о различных типах этнических общностей на определенных этапах их развития. Другое дело — политический обиход. В этом случае нельзя отвлечься от того, что народы, причисленные к «нациям», имеют право на свою союзную республику и, тем самым, на больший круг юридических, политических, экономических, культурных и др. прав, чем народности. Это таит в себе определенную опасность. Позволим себе не обсуждать этот вопрос специально. Отметим только, что в политическом обиходе, видимо, правильнее все народы называть одинаково (например, народом или каким-нибудь другим одним термином), а не группировать их на традиционные «нации» и «народности».

Ограничимся этими примерами, чтобы перейти к основной теме, обозначенной в заглавии. Относительно обширное введение было необходимо для того, чтобы найти правильный ключ к тем проблемам, которые будут дальше обсуждаться.

Прежде всего следует ответить на вопрос: есть ли основание говорить о межнациональных проблемах в Ленинграде и Ленинградской области? Несомненно есть, и они всегда были. Петербург возник как столица многонациональной империи. Он был и остается важным для страны морским портом, а с XIX в.— одним из крупнейших промышленных городов России. Если бы мы ничего не знали об этнической структуре его населения в XVIII—XIX вв., то и в этом случае не могли бы даже теоретически предположить, что Петербург мог быть однонациональным. Вместе с тем это, разумеется, был русский город. Славянофильское противопоставление «русской Москвы» «немецкому Петербургу» или «финскому Петербургу» никогда не имело реальных оснований. В 1869 г. петербургские немцы составляли 6,8% жителей города (45,6 тыс. чел. при общем числе жителей 555 тыс.). К 1910 г. процент немцев в Петербурге падает до 2,5% при сравнительно небольшом росте абсолютной численности — до 47,4 тыс. За эти годы общая численность населения Петербурга увеличилась до 1 905 600 человек, т. е. почти в четыре раза. В целом же этнический состав Петербурга выглядел к 1910 году следующим образом (см. табл. 1).

Таким образом, нерусское население Петербурга в 1910 г. составляло около 18% общего количества жителей или иначе — каждый шестой был нерусским, причем из них только около 0,5% иностранного происхождения. Мы пишем «около», так как большинство немцев было прибалтийского происхождения. Польша и Финляндия входили в состав России, следовательно, Петербург был для них столицей. Собственно, можно говорить об иностранном происхождении только французов, англичан и шведов и то с некоторой оговоркой. Шведы могли приехать в Петербург не только из Швеции, но и из Финляндии, где они составляли определенную часть населения. Французы и англичане могли быть петербуржцами как первого, так и второго и третьего поколений.

Таким образом, этническая структура Петербурга — столицы Российской империи, как и всякой столицы, в определенной степени отражала этническую структуру страны.

Таблица 1

Этнический состав населения Петербурга

Этническая группа	тыс. человек	%
Русские	1568,0	82,3%
Белорусы	70,0	3,7
Украинцы	17,0	0,9
Евреи	35,1	1,8
Эстонцы	23,4	1,2
Латыши	18,5	1,0
Финны	18,0	0,9
Шведы	3,0	0,2
Поляки	65,0	3,4
Литовцы	11,5	0,6
Немцы	47,4	2,4
Французы	3,7	0,2
Англичане	2,2	0,1
Татары	7,3	0,4
Прочие	17,8	1,1
Все население	1905,6	100 *

* См.: *Юхнева Н. В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. С 24. Табл. 1. / Составлено по кн.: Петербург по переписи 1910 г. СПб., б. г. ч. 1, вып. I.

Таблица 2

Национальный состав населения Ленинграда

Этническая группа	тыс. человек
Русские	4098
Украинцы	117
Белорусы	82
Эстонцы	6
Латыши	4
Евреи	143
Татары	39
Поляки	10
Финны	6
Армяне	8
Грузины	4
Чуваши	6
Карелы	3
Азербайджанцы	3
Другие национальности	36
Все население	4569*

* Дается по кн.: *Старовойтова Г. В.* Этническая группа в современном русском городе. Социологические очерки. Л., 1987. С. 26. Табл. 2.

В советское время население города заметно выросло. По данным переписи 1979 г., оно достигло 4 569 700. Известно, что рост населения Ленинграда не был непрерывным и плавным. В годы Гражданской войны он не только прервался, но население Петрограда уменьшилось. Сильно выросло оно в предвоенное десятилетие и снова уменьшилось в 1941—1945 годах, во время войны и блокады. Характерно, вместе с тем, что этническая структура населения Ленинграда принципиально осталась прежней. При этом, разумеется, отдельные этнические группы росли быстрее или медленнее. Анализировать этот процесс мы не предполагали. Следует только пожалеть, что он остается мало исследованным. Изучение этнической истории Ленинграда и даже шире — Петербурга — Ленинграда, несомненно, могло бы способствовать углубленному пониманию современных проблем межэтнических отношений в этом городе.

Приведем данные по этническому составу населения по переписи 1979 года (см. табл. 2).

Перепись 1989 года покажет, изменилось ли что-нибудь в этих соотношениях. Но заранее можно ожидать, что в современном Ленинграде проживает не менее полумиллиона лиц, не русских по происхождению, т. е. каждый восьмой — девятый человек.

Этническая структура Петербургской губернии — Ленинградской области тоже издавна была сложна. До VIII—IX вв. нынешняя территория ее была заселена финноязычными водско-чудскими племенами, которые соседствовали с племенами балтскими и палеоазиатскими (предками саамов и ненцев). В VIII—IX вв. сквозь сравнительно редкую сеть поселений этих племен стали просачиваться предки русских (восточные славяне — ильменские словене и, может быть, кривичи). И, наконец, во второй половине XVI — начале XVII в. в эти районы (преимущественно в их центральные и западные части) стали переселяться относительно компактные группы собственно финских — суоми племен (эврямяйзет и савакот). Несколько раньше сюда пришла ижора, близко родственная карелам и, возможно, составлявшая с ними прежде какое-то единство. Ижора передвинулась с Карельского перешейка на юг и юго-запад и тоже расселилась

в пределах бывшей Петербургской губернии. Именно по имени «ижора» (вариант — «ингери», «ингерикот», «ижорилайзет») весь край стал называться Ингрией или Ингерманландией, а финноязычные группы все вместе — «ингерманландскими финнами», хотя собственно финнами из них были только «эвримяйзет» и «савакот». Сближению этих групп содействовало и то обстоятельство, что собственно финны в местах своего прежнего расселения в Приладожье контактировали с карелами и ижорой. В советское время все эти группы обычно объединялись общим термином «ленинградские финны» (включая и финнов, живших в самом Петербурге и его окрестностях, частично издавна, частично приехавших в Петербург на заработки из Финляндии или Ингерманландии).

Ингерманландская и петербургская финская интеллигенция активно участвовала в революционном движении в контакте с русской социал-демократией и в советское время встала во главе политической, общественной и культурной жизни «ленинградских финнов». Они были учителями в финских школах, сотрудниками финского Домпросвета и издательства, актерами финского театра. Появились первые писатели-ингерманландцы и первые журналисты.

В предвоенные годы ингерманландские финны (эвримяйзет и савакот) заселяли весь Карельский перешеек до границы с Финляндией, а на юг от Ленинграда финские деревни располагались вперемежку с русскими — в Детскосельском, Павловском, Гатчинском, Вырицком и других районах. С началом Великой Отечественной войны часть жителей этих и других районов успели эвакуироваться в восточные районы страны. Другие не успели уйти и оказались в оккупации. Немецкие власти отселяли и русское, и финское население от линии фронта, причем значительная часть финнов оказалась в оккупированной Эстонии, а часть — даже в Финляндии. По мирному договору с Финляндией ленинградские финны имели право вернуться на родину. По сообщениям финляндской печати, из общего числа ленинградских финнов, оказавшихся в Финляндии (около 40 тыс.), примерно две трети захотели вернуться. К сожалению, их судьба оказалась трагичной — они все были сосланы в Тюменскую и другие области Западной Сибири.

В 1942 году были депортированы и сосланы и финны из сел севернее Ленинграда, попавшие вместе с ленинградцами в блокаду.

Если реэвакуация ленинградцев в целом началась после прорыва блокады и ликвидации непосредственной опасности Ленинграду, то финнам Ленинградской области до 1954—56 гг. не разрешено было возвращаться в город и область. Некоторые из них направились в Карелию, где стали полноправными гражданами, других (в основном, тех, кто стремился возвратиться в деревни) — направляли в Вологодскую, Ярославскую и другие области.

Можно припомнить несколько случаев, в буквальном смысле этого слова, анекдотических. Так, студентка М., финка по национальности, после окончания университета была выдвинута секретарем ЦК ЛКСМ Карело-Финской республики. Однако ей хотелось продолжить учебу в аспирантуре в Ленинграде. Она блестяще сдала экзамены, но в аспирантуру принята не была, так как не могла быть прописана в Ленинграде. Доктор исторических наук, профессор С. финн по национальности (в то время он был председателем президиума Карело-Финского филиала АН СССР) приехал в Ленинград в качестве оппонента кандидатской диссертации, но в гостинице ему отказали в прописке.

После 1956 года многие финские семьи вернулись в город и область. По переписи 1979 года их числилось несколько больше 30 тыс. Характер их расселения в Ленинградской области досконально не выяснен. Видимо, ни севернее, ни южнее Ленинграда сейчас нет сплошных финских деревень. Финские семьи рассеяны по многим селам. Так случилось не потому, что их прежние села были кем-то за это время заняты, что могло быть. Села были малолюдны, но финские семьи приезжали постепенно, кроме того, многие села, существовавшие до войны, были разорены, разрушены. Эти процессы и современная ситуация должны быть тщательно изучены. Только тогда можно будет принять адекватные ситуации

меры для восстановления справедливости и гармонизации межнациональных отношений.

На западе Ленинградской области и частично на территории самостоятельной с 20-х годов Эстонии продолжала проживать «водь» — прямые наследники древних племен, населявших эту местность до прихода ижоры, русских и финнов. Уже довольно давно началась их ассимиляция эстонцами, ижорой и русскими. Ассимиляции русскими способствовало то, что водь (по крайней мере значительная часть ее) так же, как ижора, в прежние времена была православной в отличие от собственно финнов (эврямяйзет и савакот) — лютеран. В опубликованные данные переписи 1979 года ижора не попала, так как их в Ленинграде и Ленинградской области оказалось всего 315 чел. (не исключено, что эти данные занижены).

На востоке Ленинградской области, в районах, примыкающих к Карелии, и в Вологодской области издавна были расселены вепсы — еще один финноязычный народ. Когда-то, по-видимому, они довольно широко расселились на нынешней территории Ленинградской области, в южной Карелии (на Олонецком перешейке), в Вологодской и частично Архангельской областях. Вепсы не подвергались в 30—40 гг. насильственной депортации или эвакуации. Они в основном оставались на своих местах, если не считать сселение из малых деревень, объявлявшихся когда-то «неперспективными», в деревни, по тогдашнему разумению областного начальства, более «перспективные». После неоправданного закрытия вепских школ, библиотек и клубов в 1936—1937 гг. вепсы лишились письменности. Экономическое состояние районов, в которых они проживают, долгое время было крайне тяжелым (как, впрочем, и многих других районов Ленинградской области), что способствовало значительному оттоку сельских жителей (прежде всего молодежи) в города. Ускорился процесс двуязычия и даже потери частью молодежи родного языка (такие же процессы шли и в водской, ижорской и финской среде). Определенные негативные последствия имел и тот факт, что после пересмотра границ Вологодской и Ленинградской областей вепсы оказались разделенными между ними и Карелией.

По переписи 1979 года значится всего 6,5 тыс. вепсов. Если иметь в виду насильственную запись части вепсов русскими, то, как показывают полевые данные З. И. Строгальщиковой, их сейчас, вероятно, 13—15 тыс. Учитывая, что по переписи 1926 года их значилось 32 773 человека, следует признать, что произошло довольно сильное снижение численности этого маленького народа.

За последние десятилетия сильно уменьшилась и численность других финноязычных групп в городе и области. Если по расчетам на начало 20-х гг. их было не менее 300 тыс., то в настоящее время — 75—80 тыс. О причинах этого мы уже говорили.

Кроме процессов естественной ассимиляции (например, посредством смешанных в национальном отношении браков, которые для некоторых этнических групп Ленинграда и Ленинградской области достигают 30—40%), этому способствовали факторы административные, которых можно было бы избежать, но которых мы, к сожалению, не избежали (репрессии, выселения, закрытие школ и других культурных учреждений, насильственная запись русскими и т. п.).

Кроме упомянутых собственно национальных и национально-культурных проблем надо постоянно не упускать из виду и другой аспект межнациональных отношений. Это — изучение так называемых этнических установок русского населения, т. е. стереотипы поведения русских, составляющих большинство населения города, при контактах с иноэтническими группами. Деформация национальной политики, о которой уже говорилось, несомненно имела отрицательное воздействие и на русское население — она привела к усилению шовинистических настроений в различных социальных слоях, разумеется, в разной степени и в разных формах, от обыденных, бытовых до организованных объединений, имеющих откровенно шовинистическую программу. Мы не имеем в виду подвергать подробному анализу известные выступления общества «Память», прини-

мавшие крайние формы на митингах в ленинградском Румянцевском сквере. Коснусь только двух идей, выдвигавшихся лидерами этого объединения на заключительном заседании научной сессии, посвященной 1000-летию крещения Руси. Здесь развивалось два тезиса: а) «надо четче очертить русскую национальную территорию». Что же это значит в переводе на язык повседневности? Выдворить из Ленинграда 0,5 млн. «инородцев», если пользоваться этим официальным термином царского времени? Русским уйти из всех национальных республик, где они составляют довольно значительный процент? И вообще, что это может означать в стране, в которой, как уже говорилось, около 55,5 млн. чел. живет вне своих этнических территорий или не имеют их (т. е. каждый пятый — шестой человек)? Какими же мерами, кроме насильственных, это может быть осуществлено? За этим тезисом таится не только шовинистическая агрессивность, но и историческое невежество. Известно, что русская история представляет собой процесс непрерывных миграционных движений по чрезвычайно обширной территории, обтекания целых народов или диффузионное внедрение на их территорию. Даже если счесть за исконную русскую национальную территорию земли Киевской Руси, и то придется вспомнить, что у Киевской Руси были «свои поганые» (т. е. язычники) — торки, берендеи, белые клобуки и др.

б) Второй тезис содержал призыв к русским не вступать в смешанные браки. Тезис откровенно расистский! Как же быть нам теперь, если есть районы, где существует от 5 до 40% таких браков? Провозглашается этот тезис под предлогом сохранения чистоты русского генофонда. Это тоже невежество, на этот раз биологическое (антропологическое). Можно ли в русской истории выделить период, когда русский генофонд был «чистым»? Существуют ли вообще «чистые» генофонды? Кроме того, биология вовсе не утверждает, что скрещивания ухудшают генофонд, как раз наоборот!

Несомненно, следует выяснить, на какой бытовой и социальной почве могут формироваться подобные идеи, насколько широко они распространены и, главное, к каким последствиям могут привести.

Что же теперь следовало бы предпринять, чтобы ликвидировать тяжелые последствия деформации национальной политики, ликвидировать, елико это возможно, последствия социально-национальной несправедливости, допущенной в предшествующие десятилетия? При этом нельзя не помнить, что в тех ситуациях, какие существовали на протяжении длительного времени в городе и области, особенно большой ущерб наносился именно немногочисленным народам и этническим группам — они оказываются на грани исчезновения. Ныне всего несколько человек в мире еще говорит на водском языке, а такие народы, как ижоры и вепсы, тают на глазах. Несколько в лучшем положении собственно финны. Эта группа многочисленнее (хотя известно, что из финнов Ленинграда и Ленинградской области хорошо владеют своим родным языком не более 25—30%), в соседней Финляндии продолжает развиваться родственная культура на родственном языке. Финский язык принят в Карелии в качестве одного из коренных языков — на нем издаются книги, газеты и журналы, вещает радио и телевидение. Вообще надо сказать, что финны и финский язык никогда в Карелии не подвергались дискриминации. Но современное положение с преподаванием финского языка в школах Карелии тревожит. Ассимиляционные процессы здесь тоже идут, правда, в более естественной форме.

Конечно, при поверхностном взгляде на вещи легче всего было бы посоветовать вернуться к тем формам национально-культурной автономии, которые существовали в 20-х — начале 30-х гг. Однако при ближайшем рассмотрении это оказывается невозможным. Многие процессы, как бы мы их не оценивали, необратимы. При резком уменьшении численности финноязычного населения Ленинградской области и при современном дисперсном его расселении было бы странно восстанавливать все те национальные районы и национальные сельсоветы, которые когда-то существовали. Видимо, прежде чем принимать решения, надо тщательно изучить современное расселение финноязычных групп по райо-

нам области, степень владения детьми из финских и смешанных семей финским языком, выяснить, какие формы его изучения рекомендовали бы своим детям сами родители (школа на финском языке, школы с факультативным его изучением, обучение языку в кружках и клубах), где нужны сельские школьные интернаты, для того чтобы сосредоточить желающих заниматься финским языком, краеведением, историей, культурой и т. д. и тем самым обеспечить возможность каждому желающему воспользоваться своим правом, записанным в конституции.

В последние годы возникло своеобразное общественное движение: специализированные неформальные объединения стремятся организовать клубы, общества, землячества, целью которых было бы удовлетворение национально-культурных потребностей этнических групп, проживающих в Ленинграде и Ленинградской области. На современном этапе это движение несомненно надо поддержать, если не на государственном, то хотя бы на первых порах на общественном уровне. В этом смысле плодотворной представляется идея создания в городе Дома дружбы, который объединил бы отдельные клубы, общества и землячества, но, разумеется, не заменил бы их. Известно, что в Баку с некоторых пор существовал Музей дружбы, но, видимо, он приобрел столь официозный характер, что в трагические дни Сумгаита о нем никто не вспомнил.

Должна быть восстановлена регулярная продажа книг на национальных языках и республиканских изданий. Такой отдел национальной и республиканской книги существовал в Ленинградском Доме книги еще сравнительно недавно. Работа его должна быть организована по заявкам, и об этом следует широко оповестить население в газетах, по радио и телевидению. Не парадоксально ли, что в Ленинграде есть Дом дружбы с зарубежными странами и магазины, в которых продаются книги социалистических и даже капиталистических стран, но нельзя купить книгу, вышедшую в какой-нибудь из наших союзных или автономных республик либо, тем более, на языке какой-нибудь этнической группы, не имеющей своей республики?

То же следует сказать и о периодической печати. Разве можно считать нормальным, что в Ленинграде и области можно подписаться на любую газету социалистических стран, но чинились препятствия тем, кто хотел выписать газету или журнал на татарском или армянском языке? Организовать все это, видимо, нетрудно и следует всерьез оценить, сколько потерь влечет за собой нежелание наладить дело. Каждый такой отказ осознается как национальное оскорбление, проявление недружелюбия, попрание конституционных прав.

И, наконец, как приходилось неоднократно в этом убеждаться, многие ленинградцы мало знают о реальной этнической структуре населения города. Областная и городская печать почти ничего не делает для преодоления этого незнания. Нет смысла специально доказывать, что публикация демографических и исторических справок, статей о достижениях национального искусства и литературы, фольклора, народного художественного ремесла, о выдающихся деятелях прошлого, об активных участниках революции, гражданской и отечественной войн, ленинградцев — выходцев из отдельных народов могла бы сыграть значительно бóльшую роль в гармонизации межэтнических отношений, в укреплении взаимопонимания между отдельными этническими группами и преобладающим русским населением, чем риторические заклинания о процветании дружбы народов.

Итак, мы в общих чертах ответили на поставленный вопрос: национальные проблемы и проблемы межнациональных отношений в Ленинграде и Ленинградской области издавна существовали и существуют. Их решение требует всестороннего и тщательного изучения. Можно уверенно сказать, что мы находимся в начале этого пути и дальнейшее продвижение потребует немалых усилий.

Одновременно мы ответили и на другой вопрос. В решениях XIX конференции КПСС говорилось о необходимости образования при Верховном Совете СССР и Верховных Советах республик специальных комиссий по межнациональным отношениям. При местных советах рекомендовалось создавать подобные комиссии там, где это окажется нужным. Из всего сказанного выше следует, что при

Ленгорисполкоме и Леноблисполкоме должна быть подобная комиссия. Должен существовать также общественно-научный центр экспертов, постоянной консультацией которого будет пользоваться комиссия. И, наконец, существующие специализированные исследовательские учреждения (Ленинградская часть Института этнографии АН СССР, Государственный Музей этнографии народов СССР, Научно-исследовательский Институт комплексных социальных исследований при ЛГУ и Институт социально-экономических проблем АН СССР, Социологическая ассоциация и др.) должны вести постоянную исследовательскую работу по рекомендациям комиссии и экспертов. Разумеется, могут возникнуть и другие системы обнаружения и изучения национальных и межнациональных проблем с целью их совершенствования; важно, чтобы было признано, что такие проблемы существуют и они заслуживают общественного внимания.

ОТКЛИКИ НА СТАТЬЮ В. А. ТИШКОВА «О КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕСТРОЙКИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР»*

В статье В. А. Тишкова поставлены вопросы, требующие безотлагательного решения. Это, в первую очередь, относится к теории этнической общности и ее применению в практике национально-государственного строительства.

К сожалению, мы до сих пор занимаемся цитированием классиков, толкованием употребляемых ими не терминологически слов «нация», «национальность», «народность», «народ». Создается впечатление, что таким образом мы пытаемся воссоздать утраченное явление — этническую общность и ее типы. Но этнические общности существуют и сейчас, и именно они должны стать объектом нашего исследования, в результате которого может быть создана теория этнической общности.

Нужно признать, что ни у Маркса, ни у Энгельса, ни у Ленина нет законченной теории этнической общности. Работы же Сталина, если к ним подходить не как к откровениям «великого теоретика», не выдерживают критики ни с точки зрения логики, ни с точки зрения рассмотрения конкретного материала.

Анализ существующих классификаций этнической общности показывает неявную подмену понятий «общество» и «этническая общность». Отождествление этих понятий объясняется распространенным мнением, что человечество существовало и существует в виде народов, народностей, наций, тогда как на самом деле человечество всегда существовало в виде отдельных конкретных исторических обществ, которые включали в свой состав людей различной этнической принадлежности. Полное совпадение «общества» и «этнической общности» могло быть только в племени.

Ни даже при полном совпадении общества и этнической общности мы не можем отождествлять эти два понятия. Общество и этническая общность соотносятся как целое и часть. Человек как личность выступает в обществе в различных социальных ролях и его этническая принадлежность является только одной из этих ролей. Этническая принадлежность личности определяется ее самосознанием, выраженным в самоназвании, языком и культурой. Эти три признака, принадлежащие индивиду, не вызывают ни у кого возражений.

---

* Сов. этнография, 1989, № 1. Сокращенный вариант статьи, опубликованный в журнале «Коммунист» (1989, № 1), обсуждался на методологическом семинаре Ин-та этнографии АН СССР 13 и 31 января 1989 г. Мы публикуем мнения некоторых участников семинара по основным проблемам статьи.